

Голос Цю Вань звучал на редкость проникновенно. Она полностью отбросила спесь, подобающую старшей в роду, и казалась воплощением искренности.

Окажись на месте Дунхэ Си кто-то другой — или даже прежний владелец этого тела, — он наверняка бы дрогнул, поддался на уговоры и в порыве малодушного прощения отступил. Даже те, кто годами наблюдал за интригами этой женщины, не остались равнодушны. Наложница Ван Хунло, сражавшаяся с ней более двадцати лет, и даже Старая госпожа со Старым господином, сидевшие во главе стола, были заметно тронуты.

Будь это кто-то другой, их сердца не смягчились бы так быстро. Но перед ними была Цю Вань — особа, которая привыкла всегда держать спину неестественно прямой, а взгляд — надменным. Видеть её столь сокрушённой и смиренной было для всех присутствующих настоящим потрясением.

Юноша не знал, какой Старшая госпожа была раньше, но по лицам домочадцев легко догадался о её репутации. Впрочем, его это не заботило. Неужели она всерьёз полагала, что этот спектакль заставит его замолчать? Что же, сегодня их ждёт горькое разочарование.

Прежний владелец тела мечтал о разделе семьи и переезде лишь по одной причине: он панически боялся, что дядя отдаст его какому-нибудь вельможе в качестве шицзюня. Теперь же, когда это место занял человек из иного мира, участь бесправного наложника казалась новому Си и вовсе невыносимой.

К самой мысли о замужестве он относился спокойно. В суровых реалиях конца света люди жили одним днём, никогда не зная, вернутся ли они в безопасную зону после очередной вылазки. Там не было места предрассудкам: если двое нравились друг другу, не имело значения, мужчина это или женщина — главное, чтобы обоим было весело и комфортно.

Дунхэ Си не был легкомысленным, но и к ролям «мужа» или «супруга-фулана» относился философски. Главное — взаимная привязанность. Именно поэтому он так легко принял свою природу гэ'эра.

Но стать живой игрушкой, подарком для чьих-то утех? Никогда.

Видя перед собой пример родителей, которые поддерживали друг друга в самые тёмные времена, юноша мечтал об ином: одно сердце на двоих до конца дней. Он не собирался тратить жизнь на распутывание чужих интриг, а уж тем более участвовать в грызне обитателей заднего двора, где всё существование сводится к борьбе за внимание господина.

Если бы он мог просто проучить этих людей силой, он бы так и сделал. Но законы этого мира не позволяли ему безнаказанно размахивать кулаками. Лучшим выходом был официальный раздел имущества.

Стоило Си получить независимость, и Дунхэ Фэн, сколько бы планов он ни строил, потерял бы над ним власть. В эпоху, когда дороги были долгими, а связь — призрачной, юноша мог уехать так далеко, что никакая рука префекта бы до него не дотянулась. Он не верил, что дядя сможет преследовать его и дальше, чтобы поймать и отдать тому чиновнику в качестве шицзюня.

А если бы Фэн всё же посмел пойти на это, Си всегда мог пустить в ход имеющийся компромат.

«Если они не будут забиты до смерти, то лишь благодаря законам, которые их защищают», — подумал он.

Приняв окончательное решение, Дунхэ Си едва заметно усмехнулся. Он пропустил слова Цю Вань мимо ушей и кивнул своему слуге:

— Мо Шу, расскажи бабушке и дедушке обо всём, что происходило здесь последние два года. Не упускай ни единой мелочи.

Заметив, как переменялись в лице старший господин и его жена, Си одарил их мягкой улыбкой. Игнорируя полные ненависти взгляды, он добавил:

— Разумеется, не нужно ничего приукрашивать. Говори только по делу, опираясь на факты. Нам нужна лишь правда.

Сегодня он добьётся своего. Семья будет разделена.

Старый господин и Старая госпожа, чьи сердца только что начали оттаивать под влиянием слов невестки, мгновенно посуровели, едва заметив страх и ярость на лицах своего сына и его супруги.

Глава клана обвёл зал тяжёлым взглядом и коротко бросил Мо Шу:

— Говори.

Получив дозволение и от хозяина, и от своего молодого господина, Мо Шу не стал церемониться. Он твёрдо вознамерился выплеснуть всё: каждую обиду, каждое проявление несправедливости и жестокости, которым подвергался Си-гэ'эр после того, как господин Дунхэ Цзюнь и его чжэнцзюнь покинули этот мир.

Но не успел он и рта раскрыть, как Дунхэ Фэн, понимая, что медлить больше нельзя, перебил его. Он выдавил из себя подобие улыбки, глядя на мрачного отца:

— Отец, к чему эти старые обиды? Стоит ли ворошить мелочи в такой день? Время уже

позднее, а Юй-гэ'эр до сих пор без чувств. Кто знает, что с ним? Быть может, лучше обсудить всё позже? Вы с матушкой ещё не вполне оправились от недуга. Если вы снова занеможете от этих расстройств, как я, ваш сын, смогу простить себе это?

Дунхэ Фэн повернулся к племяннику. Его голос звучал вкрадчиво и мягко, но в глазах застыл ледяной блеск угрозы:

— Си-гэ'эр, здоровье твоих дедушки и бабушки пошатнулось после смерти твоих отцов. Не стоит тревожить их понапрасну своими жалобами. Если они снова слягут в тяжёлой болезни, вина ляжет на наши плечи. Ты ведь не хочешь, чтобы любящие тебя старики страдали из-за твоих слов?

Он умело набросил на юношу петлю «несыновнего почтения». Прежний Си наверняка бы спасовал перед таким обвинением.

Но не этот.

Дунхэ Си лишь холодно усмехнулся про себя. Не выпуская руки Старой госпожи, он незаметно направил ей поток мягкой, живительной энергии дерева, чтобы поддержать её силы и уберечь от любого удара.

Затем он плавно поднялся. Взяв чашку с ещё тёплым чаем, которую слуги принесли недавно, он подошёл к деду:

— Дедушка, выпейте чаю. Я вовсе не хочу лишать вас отдыха. Напротив, я настаиваю на разговоре именно сегодня, пока все в сборе. Мы должны прояснить всё раз и навсегда, чтобы впредь никакие тяжбы не тревожили ваш покой.

Старый господин, видя непреклонность в глазах внука, тяжело вздохнул и принял чашку. Он сделал глоток, не заметив в волнении, что вкус напитка стал чуть иным — более свежим и бодрящим. Осушив чашу, он поставил её и решительно произнёс:

— Раз так, пусть будет по-твоему. Пока мы все здесь, выложим всё начистоту. Пора и нам, старикам, узнать, что творилось в доме эти два года, пока у нас не было сил приглядывать за помещьем.

Слово главы клана было законом.

Дунхэ Фэн и Цю Вань поняли: их попытки помешать провалились. Как бы им ни хотелось остановить Мо Шу, теперь оставалось лишь молча ждать, гадая, как укротить грядущий гнев.

Старший господин никак не мог взять в толк, как этот мягкосердечный, кроткий юноша в одночасье превратился в камень. Почему он стал так твёрд и неумолим? Неужели всё дело в

той травме головы, что нанёс ему Юй-гэ'эр?

Когда посторонние покинули зал, а события окончательно вышли из-под контроля, Дунхэ Фэн сбросил маску благодушия. Он посмотрел на племянника, и в его памяти вдруг всплыли слова, услышанные ранее. Он резко обернулся к Дунхэ Юю, который всё ещё лежал без сознания.

Виновник этого хаоса не подавал признаков жизни. Дунхэ Фэн перевёл взгляд на жену. Его глаза горели яростью, он едва сдерживался, чтобы не сорваться на крик.

— У Дунхэ Си случился приступ истерии? — прошипел он сквозь зубы.

Его вызвали с деловых переговоров так поспешно, что он едва успел перевести дух. В раздражении он видел лишь несносного родственника и хотел поскорее закрыть вопрос, поэтому пропустил мимо ушей ключевой момент.

А ведь Си впал в то самое состояние.

И виной тому был его собственный сын, устроивший скандал из-за паршивой заколки, подаренной чужаком — украшения, на которое Си даже смотреть не желал.

Осознав всю глубину катастрофы, Фэн глубоко вдохнул. Ему до боли захотелось собственноручно выпороть бесчувственного Юя. Этот негодный мальчишка умел только разрушать то, что отец строил годами!

Дунхэ Фэн не знал, о чём именно расскажет слуга, но не сомневался: в рассказе всплывёт всё. Каждое унижение, которому они подвергали Си втайне от стариков. Каждое несправедливое решение по управлению имуществом.

Он вспомнил, как за эти два года планомерно прибирал к рукам дела поместья, как увольнял верных людей своего покойного младшего брата, заменяя их своими прихвостнями. Он не брезговал никакими средствами. А Цю Вань в это время всячески притесняла юношу на заднем дворе.

Сердце старшего господина сжалось. Ему не нужно было быть пророком, чтобы понять: как только Старый господин, чей авторитет всё ещё был непререкаем, узнает правду, всё пойдёт по наихудшему сценарию.

<http://bllate.org/book/15311/1354342>